

УДК 165.194 : 130.2

Диалогические аспекты научного познания

В.Ю. Даренский

Автор рассматривает проблему диалогической интерпретации процесса научного познания. Феномен диалога интерпретируется в этом контексте как intersubjective процесс конструирования нового знания. Предложено понятие «символических протоструктур» знания, которые соотносятся как с диалогической структурой становления научных теорий, так и с самым широким культурным контекстом познавательной деятельности. Специальное внимание уделено в статье «внутренним механизмам» познавательных процессов в сознании ученого.

Ключевые слова: наука, познание, диалог, intersubjectivity, возникновение, символические протоструктуры.

The author considers the problem of dialogical interpretation of scientific cognition as a process. The phenomenon of a dialogue is interpreted in this context as an intersubjective process of new knowledge constructions. The author also brings forward the concept of «symbolic protostructures», which corresponds in this case to the emerging dialogical structure of scientific theories and the widest cultural context of knowledge. Special attention is given in the article to «inner workings» of cognitive processes in the mind of the scientist.

Keywords: science, cognition, dialogue, intersubjective, emergence, symbolic protostructures.

Диалогическая природа процессов научного познания интуитивно очевидна, однако до сих пор остается мало исследованной. В методологии науки этот аспект, как правило, рассматривается исключительно как «субъективный фактор» познавательных актов, как форма, якобы случайная для нового знания, поэтому им обычно отказывается в собственной логической значимости. Логический анализ становления и обоснования новообразованного знания обычно как раз и ставит себе задачу ретроспективно элиминировать «субъективные факторы» (диалогичность и спонтанность) из реального познавательного действия, в частности, процессов открытия и обоснования, т.е. конституирования и теоретической экспликации нового содержания знания.

Новое содержание знания рассматривается, с одной стороны, как результат последовательного рассуждения в рамках старой системы знаний и представлений о предмете, а с другой, – как результат внезапного «озарения», спонтанного «скачка» от старого к новому. Но именно в рамках этого «скачка» и складывается новая предметность знания, вскрывающая объективную логику вещей. Но в таком случае мы уже не имеем права рассматривать его как привходящий «субъективный» фактор нового знания, как всего лишь случайную форму его становления. В свою очередь, внутрисубъектная концептуализация нового знания является моментом и результатом сложного процесса диалогического взаимодействия различных позиций понимания, складывающихся в исследовательской среде по поводу той или иной проблемной ситуации, разрешение которой и является моментом возникновения нового знания. Взаимодействие позиций, в свою очередь, происходит не только между различными исследователями и группами исследователей, но и внутри сознания каждого из них, причем последний момент определяет степень его открытости и креативности.

К настоящему времени сложилась значительная традиция анализа диалогических процессов в структуре научного познания. Ряд важнейших авторов и их концепции будут кратко рассмотрены в данной статье. Предлагаемый нами подход к прояснению диалогической сущности научного познания можно определить как *экзистенциально ориентированный*, поскольку он намеренно абстрагируется от конкретно-исторических ситуаций в развитии науки и представляет собой попытку исследования «креативной онтологии знания», исходя из диалогически обусловленного возникновения как необходимого атрибутивного признака нового знания. *Целью* данной статьи является анализ диалогических аспектов становления нового знания.

Существенной особенностью постнеклассической гносеологии является изучение тех субъектных параметров познавательных процессов, которые связаны с их опосредованием ценностными и коммуникативными аспектами человеческого бытия и сознания. Если неклассическая парадигма отказалась от абстракции «чистого» и потенциально «всеведуще-го» человеческого разума, включив в себя исследование его операциональных параметров, определяющих способ видения и фиксации изучаемого объекта, то постнеклассический подход восполнил её также и учетом тех размерностей познания, которые определяются процессами межсубъектных взаимодействий и теми смысловыми ориентациями, которые «кристаллизуются» в пространстве диалогических взаимоотношений (которые сами по себе иногда даже могут и не иметь познавательной направленности). С другой стороны, одним из ключевых заданий постнеклассической гносеологии является поиск «противоядий» против субъективизма и релятивизма, риск которых с неизбежностью возрастает при включении в предмет анализа субъектных параметров познания. Тем самым, по крайней мере «в идеале», постнеклассическая рациональность призвана совершить своего рода «отрицание отрицания» по отношению к неклассической парадигме, т.е. найти *в самой субъектности* такие жесткие детерминанты познавательных процессов, которые не позволяют им скатываться до анархии по принципу anything goes (П. Фейерабенд).

В свою очередь, внутрисубъектные детерминанты научного познания определяются его *событийной структурой*, а эта событийность порождается процессом взаимодействия познающих субъектов (как индивидуальных, так и коллективных). Онтологически событийность познания определяется, по М.К. Мамардашвили, как «зависимость существования истины как явления от того, что происходит с человеком, с субъектом» в процессе познания, поскольку «организация устойчивого воспроизводства взаимосвязанных единичных опытов восприятия объекта в мире и выбора проясняющих их понятий не закодирована генетически в каждом экземпляре человеческого рода, а *существенно предполагает общение (или со-общение) индивидуальных опытов, извлечение опыта из опыта других и создает горизонт «далекого», совершенно отличный от следования природным склонностям и инстинктам, заложенным в каждом индивидуе...* есть различие между самим научным знанием и той размерностью (всегда конкретной, человеческой...) (выделено авт.), в которой мы владеем содержанием этого знания и своими собственными познавательными силами и их источниками» [8, с. 340]

Как известно, принципы научного познания и «модельные» образцы исследовательской деятельности меняются вместе с изменением культуры, стиля общения, социальных практик. Методы научного исследования и критерии достоверности оказываются тесно связаны и взаимообусловлены с ценностями и нормами, разделяемыми научным сообществом. Именно в этом контексте «диалогика» развивающегося научного знания в свое время была глубоко исследована В.С. Библером, в частности, на материале становления экспериментальной науки Нового времени [1].

В рамках альтернативного подхода А.С. Кармин рассматривал специфику диалогических процессов в научном познании на основе выделения базовых антиномий познавательного усилия и трактуя *мыслительный* диалог как «столкновение разных линий мышления» (как внутри одного сознания, так и в их общении), в котором происходит отбор наиболее адекватных стратегий познания [2]. В начале 1980-х годов известный историк и методолог науки М.Г. Ярошевский предложил для фиксации особой диалогической структуры в научном познании использовать концепцию «оппонентного круга» научного открытия как «неформальной коммуникативной структуры», в рамках которой складывается специфическая предметность и направленность научного поиска. Как отмечает автор концепции, что «поскольку форма общения, которая выражена в противоборстве идей (как важнейшем катализаторе научного прогресса), должна быть отграничена от общения как «обмена информацией», передачи знаний (эмпирический, методологических и др.), возникает потребность в выделении той категории лиц, полемика с которыми изменяет движение мыслей исследователя... Обращение к оппонентному кругу... преодолеть разъединенность логических, психологических и социальных аспектов деятельности ученого» [12, с. 55]. Впрочем, попытки осмысления

особой «диалогичности» научного познания в этот период обычно сводились к представлению о диалоге как некоей «интериоризации» диалектических отношений [7], – но это, однако, несколько не касается ее собственной специфики как мыслительного феномена. В свою очередь, В.Г. Федотова рассматривала феномен переноса в структуру научной коммуникации моделей диалога, сложившихся за пределами науки [10].

Среди новейших авторов заслуживают особого внимания работы И.Т. Касавина, имеющие своей целью «реконструировать... разные типы социальности и взаимодействие смыслами в ходе социального производства знания... обращая внимание на взаимодействие *внешней социальности* (окружающего нас мира стандартных культурных объектов) и *внутренней социальности* (деятельностных механизмов сознания)... Однако для понимания механизмов и структур развивающегося знания как субъективного творческого процесса необходимо обратиться к взаимодействию данного контекста с еще одной областью – с *открытой социальностью*, представленной в процедуре создания текста». Эту проблематику автор определяет как «раздел неклассической гносеологии, специально занимающийся онтологическими основаниями творчества; ее можно назвать «креативной онтологией знания» [3, с. 247]. Для «более глубокого постижения субъективной стороны познания» И.Т. Касавин ввел «понятие совокупного познавательного процесса (СПП)», которое «позволяет построить достаточно богатый образ знания по сравнению с нормативными моделями, простота и понятность которых явно идет в ущерб их адекватности. Положение о конкретности истины, фундаментальное значение которого не подвергается сомнению, не должно опираться лишь на конкретность и многообразие образа объекта, но должно быть понято также и как утверждение о многообразии форм деятельности и общения субъекта, откладывающихся в содержании знания. СПП предстает тем самым как многообразие форм и типов знания, отнесенных к многообразию человеческих практик и познаваемых реальностей, что ведет к соответствующему расширению предмета теории познания... Невозможность рассматривать знание по образу и подобию попперовского «третьего мира» вовлекает в СПП такие контексты, которые до недавнего времени находились в исключительной компетенции социологии науки и культурной истории» [3, с. 236]. Правда, И.Т. Касавин затем лишь указывает на необходимость изучения диалогических практик в структуре научного познания, но не сосредотачивается на этой теме.

Интересный подход к изучению диалогической сущности процессов научного познания в последние годы разрабатывает сотрудник киевского Института философии Л.В. Озадовская, предложившая достаточно глубокую и последовательную концепцию. «Диалог в науке, – отмечает она, – может происходить *в разных формах*: в форме реального диалога с реальными собеседниками и в форме внутреннего диалога, если “Я” творца раздваивается, растранивается и даже приобретает больше ипостасей, которые ведут между собой полемику, сталкивая разные, даже полярные мысли и аргументации с тем, чтобы выбрать между ними те, которые... являются наиболее истинными. Во внутреннем диалоге с самим собой субъект творческой деятельности «разводит» противоположные положения, поручая их разным лицам, которые помещаются в одном “Я”. Распределение обязанностей внутри отдельного субъекта аналогично ситуации, которая бытует в научном коллективе, где каждый из участников диалога играет определенную роль» [9, с. 124]. Л.В. Озадовской обоснован тезис, в соответствии с которым «научное познание, как и любой творческий процесс, происходит в виде диалогических коллизий между рассудком и разумом, разумом и интуицией, научными и ненаучными способами мышления, между разными научными концепциями и т.п. Но сам процесс диалога остается вне границ научных теорий, замаскированный формой объективно-научной истины. Поэтому его можно раскрыть лишь с помощью историко-научной реконструкции хода научного познания» [9, с. 126]. Л.В. Озадовская выделяет также *общие содержательные уровни*, на которых может происходить диалог в науке: «1. Столкновение научного и ненаучного способов мышления... Резкое противопоставление научного и ненаучного способов мышления, присущее классическому периоду развития науки, в наше время уступает место диалога между ними, в процессе которого обнаружива-

ются определенные связи научного и гуманитарного, научного и религиозного подходов к реальности. Так, теперь становится целиком очевидным, что научная картина мира приняла в себя много черт теологического мировоззрения... 2. *Столкновение разных научных способов объяснения реальности, имеющих в разных культурах...* Диалог как столкновения разных научных направлений, погруженных в разные области разных культурных сред, предопределяет появление новых интересных открытий. Примером может быть возникновение европейской науки в контексте культуры Нового времени как диалога, переключки с культурами Античности и Средневековья. Погруженность человека в разные культуры предопределяет диалогично-рефлексивный уровень организации сознания, поскольку его решения и его поведение теперь зависят от взаимодействия разных языков, разных ценностно-смысловых структур... 3. *Столкновение разных научных представлений в границах одной науки, одной культуры* (концепции пространства Ньютона и Лейбница, корпускулярная и волновая теории света и др.)» [9, с. 125–126].

В этом контексте представляет интерес концепция содержательной соподчиненности общенаучных методов и способов познания, в 2000-е годы предложенная С.Б. Крымским. Этот автор предлагает рассматривать их в следующей иерархической последовательности: 1) «символично-аллегорический метод, связанный со способностью символа покрывать бесконечный круг значений и тем самым улавливать абсолютный элемент в духовно-практическом освоении мира» [5, с. 18]; 2) «аналитический метод, который рассматривает каждое явление как композицию простых элементов»; 3) исторический подход; 4) «структурный метод, который исходит не из анализа субстрата явлений, их вещных основ, а из анализа отношений... Это позволяет выявлять структуры, которые обобщают закономерности многих предметных областей»; 5) наконец, «общеметодологические средства логики, связанные с дедуктивным и индуктивным подходами» [5, с. 19]. Такая содержательно-иерархическая, особым образом центрированная последовательность в классификации методов основана на простом принципе: начинаясь с метода, самым непосредственным образом связанного с духовно-экзистенциальными основаниями научного познания, лежащими в сфере трансценденции, она движется ко все более частным и формальным методам и схемам мышления. При этом последующие методы могут быть поняты именно как диалектические «моменты», на которые «расщепляется» первый, имеющий синтетическую, универсальную природу. В частности, аналитический метод изначально соответствует дифференциации символических значений и форм; исторический – их генетической связи между собой; в свою очередь, структурный – принципам их актуального и потенциального взаимодействия; абстрактно-логические схемы – принципам перехода от общего (целого) к частному и наоборот. Хотя сам автор, к сожалению, не дает подробного объяснения своей схемы, нам представляется, что её внутренняя логика именно такова.

С другой стороны, эта последовательность четко демонстрирует последовательность «слоев» в содержании научного знания, существующего в качестве диалогического феномена – в качестве «речи» и разновидности «символического обмена». Базовым уровнем в диалогической структуре научного познания является коммуникация массива символично-аллегорических протоструктур мышления, первичных по отношению к другим его формам, в том числе и концептуально-понятийным. Они составляют инвариантный смысловой базис любых содержаний человеческого познания. «О потенциале семантического поля культуры, – отмечал С.Б. Крымский, – свидетельствует то обстоятельство, что все значительные научные открытия (не говоря уже о художественном творчестве) имеют в нем идейные прообразы (в виде аналогов и догадок). Более того, чем крупнее научный результат, тем глубже его истоки в духовной подпочве цивилизации, тем больше прообразов ему предшествует. А фундаментальные идеи вообще нисходят к сквозным структурам культуры (или архетипам), которые пронизывают весь массив ее истории. Таковы идеи атомизма, эволюционизма, симметрии, гармонии, эфира и вакуума, хаоса и порядка, четырехкатегорности материальных основ явлений (природных стихий или типов микрочастиц), эвристики целых чисел... и геометризации физических сущностей и т.д. Разумеется, эти идеи были научно доказаны в XIX и XX столетиях, но их прообразы заложены в семантическом поле культуры и как бы

смыслоориентируют пути их поиска» (*выделено авт.*) [6, с. 41]. В месте с тем, очевидно, что глубина и интенсивность «включенности» индивидуального сознания ученого в архетипическую смысловую протоструктуру культуры определяется вовсе не специфической предметностью его исследовательской деятельности, и тем более не специфической экспериментальной или проблемной ситуацией, но именно уровнем его общей диалогической культуры, определяющей ту общую открытость и рефлексивную глубину сознания, которая позволяет ему эффективно извлекать из интерсубъективного опыта культуры эвристичные «протосмыслы», необходимые в качестве смысловой «матрицы» решения конкретной научной проблемы или еще более узкой экспериментальной задачи.

Благодаря своей способности «покрывать бесконечный круг значений и тем самым улавливать абсолютный элемент в духовно-практическом освоении мира» эти протоструктуры всегда остаются содержательной основой развития и трансформации понятийного мышления в его развитых научно-теоретических формах. Трансформации последних всегда связаны с появлением новой «базовой метафоры» (И.Т. Касавин), определяющей новый способ видения и новой теоретической концептуализации того или иного фрагмента изучаемой реальности. Принятие «базовой метафоры» всегда является результатом диалогической борьбы конкурирующих вариантов. Более того, обычно в любой частной проблемной сфере или междисциплинарной области науки одновременно существуют, развиваются и продолжают конкурировать несколько принципиально отличающихся способов концептуализации, основанных на разных «базовых метафорах». В свою очередь, аналитический метод, исторический подход, структурный метод, индукция и дедукция, хотя в качестве общих методологических принципов, обычно понимаются всеми одинаково (различия лишь в индивидуальных особенностях их применения), также оказываются средствами диалогической борьбы конкурирующих способов понимания и концептуализации, поскольку применяются для рациональной экспликации предлагаемых «базовых метафор» и особых способов видения исследуемой предметности. Последние тем самым могут вносить некоторые специфические конкретизации в понимание этих методов, считающихся универсальными. Особо ярким примером в этом отношении являются дискуссии о природе историзма («исторического подхода»), ведущиеся уже не менее двухсот лет; дискуссии о границах применимости гипотетико-дедуктивного метода и т.д.

Особой темой, требующей отдельного исследования, является хронотоп научного диалога. Обычно хронотопические измерения интерсубъективности научного познания фиксируются через различение концептов: понимание, объяснение, предсказание. Как отмечает В.Н. Костюк, «различия между пониманием, объяснением и предсказанием приводят к тому, что возможны разные способы понимания одного и того же объяснения или предсказания, возможны объяснения и предсказания без понимания. Так, Э. Шредингер не вполне понимал сделанное им волновое уравнение до тех пор, пока М. Борн не предложил своей интерпретации Ψ -функции. М. Планк не вполне понимал значение введенной им «постоянной Планка», пока это не было разъяснено А. Эйнштейном. Периодичность элементов Д.И. Менделеева никому не была понята до публикации работ Н. Бора по квантовой теории атома. Явление сверхпроводимости оставалось непонятным пока не были предложены понятия «коллективное движение» и «вырожденность основного состояния»» [4, с. 259]. Например, по свидетельству А. Эйнштейна, «частная теория относительности обязана своим возникновением уравнениям Максвелла для электромагнитного поля. И обратно, только частная теория относительности дает уравнениям Максвелла удовлетворительное формальное толкование» [11, с. 154].

Названные примеры свидетельствуют о важности осмысления особого *диахронического* аспекта научного диалога, как видим, имеющего достаточно парадоксальный характер. Действительно, каким образом различные теории, каждая из которых представляет собой относительно замкнутое логическое целое и удовлетворяет определенным требованиям обоснования, могут влиять на «понятность» друг друга, особенно в тех случаях, когда их предметные области весьма различны? Это становится вполне понятным именно в рамках предложенной выше концепции, в соответствии с которой фундаментальные открытия содержательно восходят к общим мировоззренческим принципам познания, укорененным в

«сквозных» архетипах культуры, актуализируемых в диалоге в «горизонте» предельных смыслов. Можно также предположить существование в истории науки некоего принципа *диахронической комплементарности* теорий, который по смыслу шире известного «принципа дополнительности», поскольку относится не только к теориям одной предметной области, но и к большим разнородным массивам научного знания. Обоснование этого принципа, требующее обширного исследования, помогло бы углубить понимания сущностного диалогизма научного познания.

Обобщая проведенный краткий анализ проблемы, отметим, что диалогизм познавательного действия обусловлен как онтологией смысловой сферы, так и собственной структурой познающего субъекта. В диалогичности научного познания особым образом явлена непредопределенность человеческого сознания и его открытость новому содержанию, способность к свободной (т.е. имеющей только «поводы», но не однозначно детерминирующую причину) трансформации сознания, мировоззрения и мироотношения в целом. Именно в этом – главный источник экзистенциальной привлекательности науки, обычно мало заметный за ее практическими задачами.

Литература

1. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. / В.С. Библер – М. : Политиздат, 1991. – 467 с.
2. Кармин, А.С. Диалог в научном творчестве / А.С. Кармин // Философские науки. – 1985. – № 4. – с. 77–82.
3. Касавин, И.Т. Миграция. Креативность. / И.Т. Касавин [Текст]. // Проблемы неклассической теории познания. – СПб. : РГХИ, 1998. – 408 с.
4. Костюк, В.Н. Объяснение, предсказание, понимание / В.Н. Костюк. // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления: Сб. науч. тр. – К. : Наукова думка, 1980. – С. 246–261.
5. Крымский, С.Б. Запити філософських смислів. / С.Б. Крымський – К. : Вид. ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
6. Крымский, С.Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса / С.Б. Крымский // Вопросы философии. 1998. – № 4. – с. 34–52.
7. Лебедев, С.А. О диалогической природе познавательной деятельности человека / С.А. Лебедев, А.М. Поджарова // Диалектика. Творчество. Гуманизм. – Л. : ЛГУ, 1991. – С. 116–125
8. Мамардашвили, М.К. Наука и культура / М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс, 1990. – с. 337–356.
9. Озадовська, Л.В. Парадигма діалогічності в сучасному мисленні: Монографія. / Л.В. Озадовська – К. : Вид. ПАРАПАН, 2007. – 164 с.
10. Федотова, В.Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами / В.Г. Федотова // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 116–121.
11. Эйнштейн, А. Физика и реальность. Сборник статей. / А. Эйнштейн – М. : Наука, 1965. – 360 с.
12. Ярошевский, М.Г. Оппонентный круг и научное открытие / М.Г. Ярошевский // Вопросы философии. – 1983. – № 10. – С. 46–57.